

«Вячеслав Артемов занимает особое место в русской музыке», — писал Альфред Шнитке: вот уж кого не заподозришь в склонности к комплиментам. Не замечен в раздате авансов и Мстислав Ростропович, трижды представлявший музыку Артемова на мировых премьерах: «Артемов имеет свое абсолютно неповторимое лицо».

Впрочем, лучше один раз услышать, чем сто раз... прочесть. Даже если пишет сам Шнитке.

Преднамеренное «недопущение» Артемова к слушателю, длившееся все 70-е и половину 80-х годов, к счастью, кончилось. Изданы компакт-диски и пластинки-альбомы с его сочинениями. Телевидение показало десяток фильмов с его музыкой и его участием. Готовится исполнение артемовского «Реквиема» в Ватикане в рамках фестиваля религиозной музыки, который начнется в Риме осенью нынешнего года. Сейчас отработываются технические вопросы, ведь в исполнении этого объемного произведения заняты Большой симфонический оркестр, солисты, два хора — всего 259 человек, по числу жертв авиакатастрофы «Боинга» в Шотландии. Предполагается, что дирижировать «Реквиемом» после службы, которую проведет пап римский Иоанн Павел II, будет видный итальянский композитор Лючано Берио, а в концерте примет участие Московский детский хор Виктора Попова.

Наконец, в Москве и Ярославле недавно прошел «Артемов — фестиваль премьер». Это было необычное событие для музыкальной жизни: в России, где композитор живет и работает, впервые исполнялись его сочинения, давно ставшие классикой за рубежом.

На мой вопрос, считает ли он свой фестиваль «успешным», Артемов, помедлив, ответил как бы не по делу: состоялось очень важное для него открытие современного слушателя, а слушатель меняется каждые несколько лет. Он понял тех, кто слушает и слышит, и тех, кто слушает и не слышит. Ведь зачем-то надо живописцу вывешивать свои картины в одном месте? Так и ему необходимо было проиграть свои вещи, написанные с 1967 года.

— А «просто так» вы слушаете свою музыку?

— Это случается, когда надо показать ее кому-то другому. Мои вещи ведь очень разные — по темпераменту, направлению, по степени гармонии или, напротив, противоречия с самим собой и с идеалом. Услышать себя на фестивале отстраненно, как бы из будущего, было большим испытанием. Но и удовлетворение тоже принесло.

— А огорчения?

— Тоже. Настоящий музыкант сначала интересуется музыкой, а уже потом — сколько получит за исполнение. Ныне же условия таковы, что встречаешься с обратным.

— И кто из вас уступал?

— По тому, что фестиваль состоялся, можно считать, что победила музыка... Другое грустное

наблюдение — наиболее подготовленный слой любителей музыки у нас «вымывается». Студенты уже

Известия - 1995 - 7 января - 1, 7

Вячеслав Артемов: для меня аплодисменты — дело десятое

со второго курса консерватории стараются уехать за границу и остаться там работать. Многие наши педагоги, преподающие за рубежом, приезжают в Россию лишь за тем, чтобы принять экзамен или просто отметить. Но самое горькое: с фестивалем для меня, как и для всех в России, закончился год мирной жизни — в день его закрытия пришло известие о войне в Чечне. А ведь фестиваль мы посвятили годовщине Конституции, которая предполагает жизнь мирную, по правилам. Теперь власти преподнесли другую «знаменательную дату».

— К несчастью, это не единственное ваше разочарование в сфере политической жизни?

— Я был политиком только три дня в августе 91-го. Как и прилетевший тогда Ростропович, как все нормальные люди, я ждал кардинальных изменений. Но не дождался. Надеялся, например, что будет осуждена идеология, приведшая миллионы людей к гибели, а страну — к исторической деградации. Это не были политические мечтания, это была актуальная нравственная задача, трагически не реализованная. Призыв к покаянию не был услышан, преступления не осуждены. Значит, открыт путь к новым преступлениям, что мы и наблюдаем. А ведь надо-то «все», чтобы очищение от скверны, каковой является презрение к человеческой жизни и к правам человека, стало государственной задачей, превалирующей в общественном сознании. Но этому все время препятствуют. Боюсь даже, что нас ждет нечто худшее. Мне глубоко отвратительно, когда поступки гадкие, низменные становятся чуть ли не нормой. Укоренение таких взглядов в нашем российском народе — преступление.

— Надеюсь, хоть этого мы избежим...

— Дай-то Бог. Однако человек может жить, есть, ходить, работать, но нравственно он уже погиб: так было в гитлеровской Германии. Сейчас говорят о русском фашизме, но фашизм не бывает русским или каким-нибудь еще, он — фашизм. Надо ли его бояться? Если он просуществует у власти хотя бы один день, последствия его останутся навсегда. Как было с советской системой. Причем не

для одной нашей страны, а для всего мира, ибо место нашей страны в мире особенное, и все страны сегодня — один мир, как все человечество — один человек.

— Но ведь и музыка сейчас значительно больше, чем раньше, используется в политике. Она запросто может вызвать проявления агрессивности. Что остается тогда от формулы «красота спасет мир»?

— Если в мире будет зло, никакая красота не спасет. Ее обыкновенно не будут замечать. Она не просто сочетание слов, звуков, красок, форм. Она — качество их воздействия на человека. Когда воздействие отрицательное, нравственные результаты плачевные. Спасет нас другая красота — культура в широком ее понимании.

— Это, прямо скажем, не ново...

— А что есть «новое»? В мире стали значительно больше играть классику, даже в ресторанах, кафе, торговых центрах. Конечно, это не лучший способ слушать Моцарта или Чайковского, но больше, чем ничего. Надо вернуться к шагам, приобщающим людей к ценностям, доказанным и освященным временем. Это и есть новость, которая всегда нова. Почему мы катастрофически сокращаем время теле- и радиопередач просветительских, воспитательских? Вот где действительно нужна «сильная рука»? Сама музыка ничего не делает, ее просто заглушат. Тут нужны люди с крепкими нервами, специально посвятившие себя этой сложной профессии.

— Раньше этого ждали от критиков. Но критики не научились писать, читателей — читать...

— И все-таки между творением и тем, для кого живет и ежедневно сгорает художник, должна су-

ществовать связующая нить. Во всех американских газетах каждый день появляются целые полосы с развернутыми рецензиями на произведения искусства. Статьи профессиональные, без скидок. Если читатель не понял с первого раза — пусть обложится словарями, пусть растет, развивается... Писали и обо мне — больше, чем за все время на родине (зато слухов на родине распространяли немало). Один из моих дисков был даже выдвинут в США на весьма престижную премию Кузевицкого. Выдвигался и «Реквием».

— Получил что-нибудь?

— Не получил, но там имеет значение сам факт выдвижения. Главное, как у нас раньше говорили, участие. Присуждение зависит от многих, часто рыночных моментов, а выдвижение — от самого произведения.

— Говорят, подведение некоторых творческих итогов помогает разглядеть перспективы...

— Я не думаю об итогах, рано еще. Но после каждого из моих концертов 80-х годов у меня было ощущение, что я одолел очередную ступень и надо начинать новую жизнь. То есть новое произведение.

— Кстати, после симфонического тетралогии, исполненной в США и Великобритании Ростроповичем, что вы делали? Писали виолончельный концерт, который он вам заказал?

— Параллельно писал многое другое. Сделал несколько новых записей. Например, с оркестром «Музыка viva» Александра Рубина мы записали новый компакт-диск, на котором впервые появляются виолончельный концерт «Пьета» (солист А. Рубин) и «Аве Мария» с солисткой М. Мещеряковой. Мировая премьера «Пьеты» состоялась в Америке, где (я этим очень

горжусь) ее исполняла Мария Чайковская. Вообще для композитора написать музыку — еще не все, ноты сами по себе лишь графическое изображение замысла, его еще надо воссоздать в звуках. Это может происходить в залах, но может и дома, в записи.

— Баха слушали, наверно, тысячи людей — он выступал в храмах. А Моцарта? Он же больше играл в великосветских салонах, а там не могло быть много народу. Театр, где шли его оперы, — другое дело, но салон... там было не больше слушателей, чем в неполном зале Московской консерватории. Зато неполный зал — это верные слушатели. Возможно, не надо так уж сокрушаться, что наши огромные залы раз через раз бывают неполными? Есть еще радио, телевидение, аудио, видео...

— Главное — чтобы композитора слушали. Для меня не является показателем внешнее проявление отношения слушателя к произведению. Возможны ли аплодисменты священнику в церкви во время проповеди? Он разговаривает с Богом. Так и для меня аплодисменты — дело пятое, десятое. Я разговариваю с Богом, с самим собой и стараюсь, чтобы мои мысли посредством звуков доходили до моих слушателей. А как это воспринимается — зависит от культуры, воспитания и обстоятельности. Горько сталкиваться с тем, что «твоя» публика иссякает. Но полностью иссякнуть она не может, природа не позволит. Главное — тебя слушают, понимают, сопереживают тебе. Больше-го ведь и не надо художнику.

На снимке: композитор Вячеслав Артемов во время аудиенции у папы римского Иоанна Павла II.

Фото «Осерваторе Романо».

